

ВЛАДИМИР РАДКЕВИЧ

В. РАДКЕВИЧ • КАМСКИЙ МОСТ • СТИХИ

КАМСКИЙ МОСТ

**ВЛАДИМИР РАДКЕВИЧ
КАМСКИЙ МОСТ**

ВЛАДИМИР РАДКЕВИЧ

**КАМСКИЙ
МОСТ**

СТИХИ

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1972 г.

Художник Р. Пономарев

Пермяки
на февральской Каме,
Обрываясь,
кровавая лед,
Обмороженными руками
Поднимали
стальной пролет!
Завершение дела славного —
Ликование кумача.

Вижу
митинг
и Ярославского
С телеграммою Ильича —
Ту дорогу одноколейную
Над разрушенным миром зла,
Что,
как совесть людская,
к Ленину

Весь Урал,
всю Сибирь вела...
Только так —
на ветру жестоком,
Только этим путем —
до звезд.

Встаньте,
люди!
Прильните к окнам:
Начинается
камский мост!

Со всех городских перекрестков,
Где подвиг отцов не забыт,
На наших детей и подростков
История зорко глядит.

И в синих ночах Предуралья —
Недавнего пламени след,
И пахнет тайгой и сталью
Плывущий по Каме рассвет.

Лучей золотистая россыпь
Сквозь раннюю хмарь облаков,
И эта хозяйская поступь
Уральцев,
 моих земляков!

И радость свою,
 и невзгоды
Ты, Пермь, от меня не таи —
Прошел я и вешние воды,
И медные трубы твои.

И в сердце вливается что-то
От славы твоей и потерь,
Любовь моя,
 жизнь
 и работа, —
Земля моя русская —
 Пермь!

Вечно Каме по жизни народа струиться —
В перекличке гудков, в тихом шуме лесов,
Где ее на рассвете свободные птицы
Воспевают на сотни лесных голосов.

В том разливе — такая спокойная сила.
Столько он и надежд и любовью собрал,
Что без Камы Россия —
И без Камы рабочий Урал —
уже не Россия,
не Урал.

Годы, как облака, все шумят надо мною,
Вдоль по жизни иду — по колено снега.
Но я счастлив и тем,
Бился, Кама, и я
что невидной волною
о твои берега.

СОЛИКАМСКИЙ СКАЗ

К нам пришедший
из русской древности,
Как тревожный былинный сказ,
В камской,
вечно живой напевности
Открывается Соликамск.
И встает за лесами синими,
Навсегда полюбить веля,
Эта злая,
соленая,
ссылная
Твердокаменная земля!
Русь рубежная,
как ты выжила?
Сколько раз,
сколько раз, дотла,
До последней избушки выжжена,
Ты под стук топоров росла!
Здесь от крови твоей
и пота
Солоны,
солоны ручьи...
Но хранила тебя
работа

ЧЕРДЫНСКИЙ ВЕЧЕР

Тени черные, вечерние —
От зари наискосок.
Берег Колвы
 возле Чердыни
И обрывист, и высок.
За рекой леса зеленые,
Вместе с ними —
 помолчи...
Солнце
 стрелами калеными
Мечет поздние лучи.
Здесь над белыми соборами
Птицы черные кружат,
Пять веков
 под косогорами
Люди русские лежат.
Не прибытком озабочена —
Для иного торжества
Сбирала земли отчие
Дальновидная Москва.
Тишина такая хрусткая,
Словно льдинки по весне.
Старина такая русская,
Что она живет во мне.

Я того же роду-племени,
Что и те,

под крутизной.

Холодит дыхание времени
Где-то рядом, за спиной.
Только музыка недалняя
Льется в сумерки,

как свет.

Это школа музыкальная
Репетирует концерт.

ЧЕРДЫНЬ ВЕЛИКАЯ

Чердынь,
Чердынь Великая,
Чем же ты велика?
Дремлет,
старчески всхлипывая,
Колва-река.
В дреме той иль в бессоннице
Время мечется вспять.
Под копытами конницы
Камни вопят.
Разгулялись ушкуйники!
Рать вогульскую гнут.
Соболиные шкурки,
Как женщину, мнут.
По становищу рыскают,
Ткнув кистень за кушак.
Государю российскому
Будет добрый ясак!
Время древнее, гулкое,
Не меня ль ты зовешь?
Лучше стрелы вогульские,
Чем в приказе правож!
Кровью руки омоются.
Но, крестом осеня,

Стефан Пермский помолится
В тишине за меня.
Очи вороном выпиты.
И ни зги в темноте.
Буквы русские выбиты
На скорбной плите,
И плывет с облаками
Звон в четыре струи.
И дома белокаменны,
Как кости мои.

Этой ночью в гостинице
Я заснуть не смогу.
Лес на Чердынъ не двинется —
Чердынъ двинет в тайгу!
Сдвинут парни российские
Годы,
 горы,
 миры —
Словно пули трассирующие,
Вдоль по трассе костры!
Здесь с лесным заточением
Свыклась

Колва-река.

Тихо моет течением
Камни, глину, века...
Но, отбросив подробности,
Я из прошлого рвусь.
Крепко слились народности
В великую Русь!

РЯБЧИКИ

(Чердынская быль)

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй!
В. Маяковский

Охрана персональная
явилась чуть свет:
— Гражданина Алина
доставить в Совет!
— Нет на вас погибели... —
седой, как песок,
вдыхает первой гильдии
уральский купец.
Его у порога,
быстрый, как пожар,
встречает Аппога,
уездный комиссар.
Очи, как буравчики,
насквозь пронзают гостя:
— У вас на складах рябчики,
запасы продовольствия!
По строгому приказу
к такой-то срочной дате
всю птицу буржуазную
Советской власти
сдайте!

...Власть до купца недобрая,
И разве ей постичь:

самим царем едомая
чердынская дичь!
Вогулы да зыряны обшаривали лес,
чтоб в Питер, в рестораны,
везли деликатес, —
на царские банкеты,
на их, монарший, суд...

— А в Питере дети
от голода мрут!

...Он не дурак, Аппога!
Ему соврать рискованно:
мол, вы побойтесь бога,
ведь все же конфисковано!
Ведут следы горячие
в болота, за ометики,
а там не только рябчики,
а там и пулеметики.

Тогда себе надгробье
заказывай! Ишь,
как смотрит исподлобья
проклятый латыш!
На бровях подпалина,
морозные глаза...

Гражданина Алина
прошибла слеза:
— Прискорбна доля детская!

Что ж, сотворим добро...
(Известно, что купецкое
чувствительно нутро!)
Утро морозное
летит из-под копыт.
Утро полозьями
по снегу хрустит.
Дорожка завьюжена
(прольешь сто потов).
В Усолье погружено
сто пудов —
мороженая птица,
осенняя, упитанная.
Лети, как говорится,
до самого
до Питера!
Смеются по-ребячьи
уральцы-продармейцы:
— Сгодятся детям рябчики,
коль хлеба не имеется!

Делясь пайками скудными,
когда и жмых — еда,
окаменели скулами
с бесхлебья города.
Дороги очерчены
пожарами в ночах —
уже к Перми и к Чердыни
идет Колчак,
чтоб шомпола горячие

свистели по селу,
чтоб подавались рябчики
к царскому столу.
Кровавая дорога
В Москву, как пуля, метится.
И комиссар Аппога
еще с той пулей встретится.
При свете солнца ясного
за Лысьвой, по весне
его поставят, связанного,
к высокой сосне,
лихой поручик выстроит
карателей отряд...
И в сосняке от выстрела
рябчики
взлетят!

ЧЕКИСТЫ

Над Россией
по-вдови ветра голосили,
И казалось врагам,
что победа близка.
Но входило
в надежды и в судьбы России
Это слово Октябрьской чеканки —
«Чека».

И опять
вражьи планы и замыслы рвутся,
И опять понапрасну кружит воронье.
Ты не только
карающий меч Революции,
Ты, Чека,
неподкупная совесть ее.
Слышишь —
к близким фронтам
громыхает теплушка,
И бойцов веселит, запевая, гармонь.
И грозитя,
и пляшет по-русски частушка,
Каблуками сапог высекая огонь:
— Эх, яблочко,
Да куда котишься?

Как по трудным дорогам,
по трассам лучистым
Шли чекисты
в дни мира
и в годы войны.
Люди очень хорошие,
вечно живые,
Свет ваш ясный
доныне тревожен и чист...
Кузнецов
на заданье выходит впервые,
Улыбается Зорге,
советский чекист.
И тяжелых шагов
холодящая мерность.
Перед казнью —
в зрачки ненавидящих глаз.
Это все
не история, а современность,
И касается жизни любого из нас,
Потому что
над нами
алеют знамена.
И в тиши кабинетов,
в разрывах гранат
Революцию нашу
светло и бессонно
Люди смелого сердца —
чекисты —
хранят!

УТРО 4 АПРЕЛЯ 1917 ГОДА

...А ночь прошла.
Гроза отликовала.
Отбушевала,
как в разлив река,
Та встреча у Финляндского вокзала,
Где говорил он
речь с броневика.
И на рассвете сумрачной столицы
Был этот путь
особенно тяжел:
На Волковское кладбище
проститься
Сын к матери пришел.
Пришел
с такою молчаливой болью,
Когда в словах
не высказать всего, —
На позднее свидание
с любовью,
Всю жизнь светившей
только для него.
А снегом пахло так свежо и горько,
Что кажется:
лишь обернись назад —

И встретишь вновь
на пристани Стокгольма
Последний в жизни
материнский взгляд.
Закрой глаза — воспоминанья всплыли,
Открой глаза — и нету ничего.
Его ссылали,
гнали и травили,
А матери-то было какво!
И все-таки
необратимой новью,
Невиданной,
желанной для бойца,
Настанет день,
где радости сыновьи
Врачуют материнские сердца.
Вставал апрель во всем своем сиянье.
По снегу полз голубоватый дым.
Но на могиле матери —
молчанье.
И мы, давайте, тоже помолчим.

И меж нами иные не видят
ни капельки сходства.
Но мы в жизнь вашу входим
по честному праву родства.
Или, если хотите,
по строгим правам первородства.

Ах, какие дожди над осенней Россией опять!
Тихо падают капли
с ветвей наклоненной березы.
Словно плачет над нами Россия,
как старая мать, —
Столько лет все не выплачет те
материнские слезы...

БАЛЛАДА О БАНКЕ ВАРЕНЬЯ

Зачем ты, война,
у мальчишек их детство украла —
И синее небо, и запах простого цветка?..
Пришли на заводы
работать
мальчишки Урала,
Подставили ящики, чтобы достать до станка.
И вот неподкупной зимою военного года,
Когда занимался над Камой холодный рассвет,
Собрал самых лучших рабочих
директор завода,
А было рабочим —
всего по четырнадцать лет.
В усталые лица глядело суровое время,
Но каждый в себе
довоенное детство нашел,
Как только рабочую премию —
банку варенья —
Пред ними, мальчишками,
кто-то поставил на стол.
И вот над заводом,
над лесом, в снегу задремавшим,
Среди подступившей внезапно к сердцам
тишины,

ТОЙКИНСКИЕ ТРАКТОРА

В 1921 году в селе Тойкино Пермской области работал первый тракторный отряд американских интернационалистов.

**Ну, что, казалось бы, решали
В невиданной борьбе миров
Затерянные на Урале
Шестнадцать этих тракторов!**

**И все-таки, горячим всплеском,
За тем оврагом, за бугром,
С утра гремел по перелескам
Неслыханный железный гром.**

**Навстречу новому рассвету
Он будоражил и будил.
Он слышен был на всю планету —
Врагу и другу слышен был.**

**Когда в разрухе,
 в горе лютом,
Деревня выбилась из сил,
За этим тракторным маршрутом
Ильич внимательно следил.**

**В ветрах Россия изрыдалась.
И все-таки волной тепла
К нам классовая солидарность
По большакам российским шла.**

Все может в жизни примелькаться
За столько бурь, за столько лет.
Но трактора-американца
У нас остался добрый след.

И дышат мне в лицо озоном
Мои прикамские ветра.
И как гроза за горизонтом —
Те тойкинские трактора!

В каждой сосенке сердцем узнаю,
Расскажи мне, седой Урал,
Где,

 в какой богатырской кузне
Ты природу свою ковал?
Как ты выдумал эти горы,
Синим лесом покрытые сплошь?
Почему на заре в озера
Ты металл расплавленный льешь?
А за Камой в ночи недалней
Тяжкий молот все бьет и бьет.
Так ударит по наковальне —
Только звезды под небосвод!
Сталеваром будь

 иль поэтом —
Только жить тебе суждено
С этим пламенем,
 с этим светом,
С этой молнией заодно.
И в тебе

 найдет продолженье
И тайга, и речной простор,
И магнитное притяженье
Этих древних железных гор.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ КУШТУМА

Редуют леса на Урале —
У рек,
 у озерной воды.
А мы-то себя уверяли,
Что долго еще до беды!

Лишь праха ничтожная щепоть
Да гиблая черная мгла,
Где птичий улыбчивый щебет,
Где песня лесная была,

Где с зеленью солнце смешалось,
Листою на землю лилось,
Чтоб людям полегче дышалось,
А значит, полегче жилось.

Мы только на миг притихаем
У самой последней черты.
Уходим. И жить привыкаем
Без мягкой лесной доброты.

Прощай же, зеленое чудо!
Все громче стучат топоры
И около Камня Полюда,
И около Думной горы.

Земля еще терпит и кормит —
Мы старшие в общей семье.
Когда обнажаются корни,
Нам трудно стоять на земле!

К молчанью природы привыкнув,
Ты сам расстоянье проверь
От нынешних скорых прибытков
До будущих долгих потерь.

И все, что мы так потеряли,
Лишь дымом ушло в небеса.
Редеют леса на Урале...
Да если бы только леса!

У ПАМЯТНИКА БАЖОВУ

Он раздвинул железные скалы
И прислушался к думе лесов,
Чтобы падали в новые сказы
Самоцветы ликующих слов.

И цветок на таинственном камне,
Что невидимым был до поры,
Устилает тропу лепестками
Пред Хозяйкою Медной горы.

Он шаги ее легкие слышит,
Вьется ящерка, в скалах скользя...
Но сказитель
 о вечности пишет,
И ему обернуться нельзя.

Как язычник исконный,
Не пошел на поклон.

Вывозила кривая
Сквозь столетний туман.
И богов укрывали,
Словно беглых крестьян.

И хлестали Исуса
По мужицким бокам,
Ибо правда искусства
Это — вызов богам!

КОЛЮПАНОВСКИЕ ЭМАЛИ

Ошалев от забот и планов,
Схвачен творчеством,
 как тоской,
Живописец Степан Колюпанов
Запирается в мастерской.
Тучи низкие за оконцем.
Но случится —
 и в миг един
Полыхнет
 нестерпимым солнцем
От железных его картин.

Надо жить
 и довольно маяться!
Половодьем
 смывая грусть,
Здесь гуляет наотмашь
 масленница
И строитель
 возводит Русь.

Что рядить —
 хорошо ли, худо ль?
Этот праздник бы — на народ,

Потому что любовь и удаль
В каждом сердце сейчас живет.
Не хитрил художник

по-лисьи,

А работал,

упрям и смел.

И плавильные печи Лысьвы

Он в соавторы взять сумел.

Так идет

в глубине России

Тихий поиск и долгий труд.

Ну, а после —

придут другие,

Поухватистее придут.

...В мастерской

картина стояла,

И сквозь будничную пыльцу

Каждой краской

она кричала.

И струились огни Урала

У художника по лицу.

БУКИРЕВ

Случай, в общем, не редкий...
В дни победной весны
Подполковником ректор
Возвратился с войны.

Виды видывал многие,
Смерти в очи глядел.
А его биология
Там была не у дел.

И, уставший от маршей,
Смертный выстрадав путь,
Был он в чем-то домашний
И не страшный ничуть.

Не ученым умением,
Просто — верен себе,
Быть умел
 провидением
В чьей-то трудной судьбе.

Проникая при случае
В драмкружок и в спортзал,
В нас он самое лучшее
Нам самим показал.

Все горюет о ректоре
Ботанический сад.

Но я верить посмею,
Что, уйдя в темноту,
Сохранил и посмертно
Он свою доброту.

Просто, без молодчества,
Смог ее уберечь
И под ноги студенчества
Нужной улицей лечь.

Чтобы, к жизни причастны,
Не забыв ничего,
Мы, хотя бы не часто,
Вспоминали его.

ОТ НАС УХОДЯТ СТАРШИЕ

От нас
 уходят старшие,
безвременно почившие —
частицей нашей
 ставшие,
работать нас учившие.
Их сердце остановится,
а нам —
 трудней становится
без очень нежной
 хмурости,
без очень нужной
 мудрости.
И все-таки
 прислушайся:
Земля, как прежде,
 вертится.
В их светлое присутствие
мне почему-то
 верится.
Не верю
 слуху вздорному,
что вот — пришел конец.
Нет, просто сердце взорвано

на тысячи сердец,
и новые
 галактики
от взрыва образуются.
И это —
 в их характере,
в посмертной
 их разумности.
Что сделано —
 не рушится.
И крепнет
 в нас самих
честное содружество
мертвых и живых.

Поденщицей

в многотиражку

Работать поэзия шла.

Газета с размаху кидала

В мир,

полный надежд и тревог:

На шахты и стройки Урала,

На Горьковский автозавод...

Но жизнь не давала отсрочки —

Ей новая песня нужна.

Желтеют газетные строчки.

Иные идут времена.

И чье-то бессилие глухо

Забьется у края стола:

Поэзия,

злая присуха,

Куда ж ты меня завела?

Но —

бей в барабан и не бойся!

Ведь что-то в поэзии есть,

Коль бывшего молотобойца

Взяла она строить и месть.

И, значит,

у камских откосов,

Улыбкой встречаясь с людьми,

Идет

Афанасий Матросов —

Невыбывший житель Перми.

ПРОГУЛКА ПО КАМЕ

Сергею Смирнову

Хмельны и здоровы пока мы,
Что сбудется с нами — не в счет!
По Каме, по Каме, по Каме
Веселый плывет пароход.

И женщина тихо смеется,
Но дело не только в вине —
У нас незакатное солнце
Танцует на каждой волне!

И солнце стоит за штурвалом
У кромки речной синевы,
Где мы привечаем Уралом
Хороших людей из Москвы.

Не чахлые летние дачи —
От ветра гудит окоём!
А пристань все дальше

и дальше,

А мы все плывем и плывем...

Зачем же мне мостик над бездной
К тому отблеставшему дню,
Который я так бесполезно
В себе, постаревшем, храню?

Молодость сочтя за преимущество,
Только ей, как божеству, кадим.
Надобно особенное мужество,
Чтоб не оставаться молодым.
Солнце светит
 даже и за облаком.
Есть исток и устье у реки.
И цветок,
 чтоб стать под осень яблоком,
По ветру бросает лепестки.

ЧИТАЯ ВИНОКУРОВА

Поэзия,
она с тобою снова
В дни горьких поражений
и торжеств.
Лишь миг —
и станет музыкою слово,
Тебя спасет иль покарает
жест.
Но я хочу,
чтоб просто колос зреющий
Рос на глубокой борозде строки.
Иначе жизнь поэта —
только зрелище,
И приглядишь —
у жеста нет руки...

УДАЧА

Человеку

удача такая нужна —

Чтоб, костями хрустя, разогнулась спина,

Чтоб поверил он в силы свои до конца,

Ощутил в себе сердце — сердце бойца,

Грудью воздуха полную меру глотнул

И вокруг озаренно взглянул.

Лишь тогда ему истина станет ясна —

Что удача ему

ежедневно нужна,

Потому что родилось в нем

новое что-то,

Необходимое для полета,

И особое свойство в себе он открыл:

Сходство давнее рук человеческих и крыл.

МОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Пророк,
 провидец —
 свысока
не говорит, а изрекает,
слова из чрева извлекает,
как пятаки из кошелька, —
надменно так и так цветисто,
что хоть колени преклони!
Его глаза мерцают льдисто,
как две холодных полыньи.
А жалко, был хороший парень!
Так чьим же помыслом благим
Хороший парень
 нынче спарен
с тем ослепленным,
 с тем, другим,
кто, морщась от житейских будней,
увы, уже не первый год
божком, судьей, святошей, буддой
под именем его живет?
И ни сегодня, и ни завтра
он не поймет свою беду:
идет походкой динозавра
и — вымирает на ходу.

ДЕТИ

Дан
с утра и до вечера
Шар земной для ребят.
По-ребячьи доверчиво
На взрослых глядят.
Как цветки,
раскрываются
Глаза у детей.
А земля раскаляется
От недобрых вестей,
А пожары все мечутся
По лесам и полям —
На груди человечества,
Словно рана,
Вьетнам.
Это хуже безумия,
Если с неба упал
Вместо дождика шумного
Смертоносный напалм.
Человек,
что молчишь ты?
Ты себя не сберег,
Если кровью мальчишки
Обрызган порог.

Равнодушных и сонных,
Стих мой,

к гневу зови!

Если ранен ребенок,
Вся планета в крови.
Для того и пылали
Все рассветы земли,
Чтоб сады зацвели,
Чтобы дети росли.

Их спаси,
Человечество,

Как траву,
как леса.

Пусть же дети
доверчиво
Глядят в небеса!

Ребенок спал под стук колесный
И до поры не понимал,
Что на него, как старый крестный,
В окно поглядывал Урал —

Вздыхал, в огнях мартенов грелся
И ранним небом голубел.
И голубой вагон на рельсах
Качался, словно колыбель.

РОДНЫЕ

Как хорошо, что есть на свете люди,
Которые, с рожденья зная нас,
За неудачу горько не осудят
И радость с нами делят в добрый час.
На огонек или на чашку чаю
Однажды в год зайдешь на пять минут —
Тебя всегда с любовью привечают
И запросто по имени зовут.
Про жизнь, здоровье справятся сердечно,
И хороши ль, плохи твои дела —
Ты все для них тот мальчуган потешный,
Что сделал шаг от стула до стола.
И ты уйдешь, той ласкою отмечен,
Не так, по правде, ею дорожа.
А через год узнаешь вновь при встрече,
Что вырос и, пожалуй, возмужал.
И в той любви, простой и немудрящей,
Всегда ты юн — хоть до волос седых...
Вы заходите к ним, друзья, почаще:
Ведь с каждым годом все же меньше их.

Я жить хочу
 в годах пятидесятых.
Хочу бродить,
 как в утренних садах,
В тех позабытых,
 временем распятых,
И все же —
 вечно молодых годах,
Когда я жил взахлеб,
 и днем и ночью,
Ощупывая жизни новизну.
И все вокруг
 сквозило этой новью
И мартовским намеком на весну.
И вся земля
 так зримо и упрямо
Кружилась на весеннем сквозняке...
А я был молод.
И живая мама
Меня встречала в тихом городке.

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Снова дороги легли между нами
Ширью лесов, синевою морей.
Это неправда, не верь, что с годами
Мы забываем своих матерей!

Сыну всегда ты спешила на помощь —
Там, где никто бы другой не помог.
Даже в ненастье, в дождливую полночь
Вижу в окошке твоём огонек.

Как я хочу на тебя наглядеться!
Солнышком ясным мне сердце согрей —
Рядом с тобою не старится детство
Взрослых, далеких твоих сыновей.

Мама, прости мне, что доля земная
Для матерей до сих пор нелегка!
Ты подожди меня, мама родная,
Ты не гаси своего огонька.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Вот и все. И теперь

не приехать к тебе, не согреться

У родного огня, у спасавшего в стужу костра.

Стало тихо вокруг.

Только слышно биение сердца,

Да, уткнувшись в плечо мое,

старшая плачет сестра.

Мама, с каждым мгновеньем

ты дальше и дальше от сына,

И теперь я ничем опечалить тебя не смогу...

Только след у подъезда:

проехала автомашина,

И по следу — еловые ветки на белом снегу.

Без мамы я жить не умею,
Но черную яму — насыть...
Как в сказке, по грудь каменею,
И трудно мне камень носить.

Как страшно ветра голосили
На проводах белого дня!
Как будто частица России
Навеки ушла от меня.

Земля передо мною виновата,
Любая —

 в солнце, в радуге, в дыму...
И что сулят кровавые закаты,
Неведомо сегодня никому.
А притворялась:

 зеленью светила,
Пыталась ветром ласковым обнять.
И только для того меня растила,
Чтоб самое любимое отнять.
Не злаку здесь расти,
 а злomu зелью,
Истоку сумасшедшего огня.
И плачу я.

 И спрашиваю землю:
Зачем взяла ты
 маму
 у меня?

Сквозь березы

светло и знакомо

Вновь глядит на меня рассвет.

Все — как прежде.

И только дома,

Материнского дома нет.

Нет пристанища в людном мире,

Где не судят,

а просто ждут.

И в знакомой твоей квартире

Незнакомые люди живут.

Я ловлю

этот блеск мгновенный

Молодого земного дня,

Но от звезд и планет Вселенной

Тянет холодом

на меня.

И Земля бы

давно застыла

Зимней птицею на лету,

Если б только не сохранила

Материнскую доброту.

И мне слышится голос ласковый

Дальним эхом твоей любви:

Я чувствую,
 как волосы седеют,
Когда их жжет обида и тоска.
Они сначала
 тихо холодеют,
А после —
 умирают у виска.
Я, верно, в жизни
 что-нибудь да значу,
Найду себя —
 в грозе или в молве.
Но разве я
 по волосам заплачу,
Когда не плачу я
 о голове!

Ждали —
 к лучшему все переменится,
А друг друга не знали ничуть:
Переможется, мол,
 перемелется,
Образуется как-нибудь!
Так и жили,
 пока были молоды,
В каждой ссоре вина не себя.
Поглядели —
 ан все перемолото:
И любовь, и судьба, и семья.

Я в этом доме — просто гость,
гость у своей жены.
Кипела медленная злость
под видом тишины.
Хоть ты молчи, хоть ты кричи —
ни ночи нет, ни дня.
Глядели круглые зрачки
куда-то сквозь меня.
А я прозрачным быть не мог
и даже — не хотел.
Но все ж ложился на порог
и под ногой хрустел.
Она рядила вкривь и вкось,
всему была судья.
А ночью, как собаке кость,
бросала мне себя...
Я словно бы в тяжелом сне,
и не поднять руки...
И все по мне, и все по мне
шагают каблуки.

ИСХОД

От злого глаза, от чужой отравы
От равнодушья к другу и врагу
Меня спасут языческие травы
На камском древнерусском берегу.

Затмит мои ошибки и промашки,
Кромешное семейное житье
Негромкий запах беленькой ромашки —
Лекарство предпоследнее мое.

Сиянье неба над безлюдным полем —
Такая голубая глубина!
И я здоров. А ежели и болен,
То — только тем,
 чем вся земля больна.

БАЛЛАДА О РОДНОМ ДОМЕ

Год прошел на Земле.
Год. А может быть, век?
Долго в доме родном не бывал человек —
Так случается часто
В космический век.

Что он нажил?
И где он бродяжил и жил?
Может, где-то служил,
Может, просто тужил,
От знакомых людей в отдалении жил.

Он вернулся домой —
Значит, все не беда!
Он знакомую дверь отыскал без труда,
Да ключи потерял —
Вот какая беда!

Тут в окошко
 пришлось постучаться ему.
Свет в окошке погас.
Стало тихо в дому.
— Вы к кому? — женский голос спросил. —
Вы к кому?

— Это я! — он сказал. —

Я вернулся, жена.

Долго дома я не был,

Но чья тут вина?

Я вернулся, жена...

Тишина...

Тишина...

Лишь березка дрожала листвой у окна.

А в окне, как и прежде, была темнота.

И сказала ему темнота неспроста:

— Я жена, да не та.

И березка не та.

Гасла в небе над ним за звездой звезда,

Осыпаясь на землю осколками льда.

И увидел он сам,

Что попал не туда,

Все чужое вокруг — вот какая беда!

Все чужое вокруг —

Вот какая беда!

И земля расступилась под ним, как вода.

И глаза его стали осколками льда.

Только в сердце чуть слышно мерцала звезда,

Заставляя идти —

Неизвестно куда.

Так о чем же он думал, чужак-человек?

Ведь и сам он не знал:

Год прошел или век?

Для него — целый год,
Для жены — целый век,
Так случается часто в космический век!

И ушел
Неизвестно куда
Человек.

МЕТЕЛЬ

Метут метели исстари,
Метут со всех сторон.
Идут метели издали,
Из пушкинских времен.

Они чисты и праведны,
Как боль земных утрат.
В метелях с нами прадеды
По-русски говорят!

Не просто заметь мерзлая,
Ревущая во мгле,
Не просто зависть мертвая
К живущим на земле —

Кричит из белой вечности,
Из звездной мерзлоты
Тоска по человечности
Огня и теплоты!

И вот ко мне доносится
В метельном декабре
Призыв из одиночества,
Как точки и тире.

С каким-то исступлением
Я тот язык учу,
В ответ сердцебиением
Стучу, стучу, стучу.

А если боль запомнится
И будет жить в тебе,
Ну что ж, заплачь, затворица,
Под волчий вой в трубе!

Кричим друг другу, путаники,
За тридевять земель...
Ведь все мы — просто путники,
Когда метет метель.

Я становлюсь беднее с каждым днем
И, как бедняк,

я от всего зависим:

От колоса, примятого дождем,

От голоса,

От глаз твоих и писем.

Да, я с тобой

счастливей был стократ,

Ты жизнь легко и просто понимала:

Чуть небо хмурилось —

ты насылала град,

А ветер дул —

ты бурю поднимала.

ЧУЖОЙ РЕБЕНОК

У нее родился ребенок,

Мальчик.

Здоровый и громкоголосый.

Еще безбровый и безволосый.

Он растет и крепнет день ото дня.

Соседки восхищаются: —

Как пригож!

И на другого,

не на меня

Этот ребенок похож.

Чужой разрез чуть раскосых глаз.

Чужой подбородок,

чужие уши.

Ночью

его пронзительный бас

Не мной,

а счастливым отцом подслушан.

Из чего он создан?

Из звездной пыли,

Мерцавшей в небе ночном над ними,

Над ними,

которые все забыли

И были

под этим небом — двоими.

Из трав,
 которые вместе они мяли,
Цветов,
 которые вместе они рвали,
Зорь,
 которые вместе они встречали, —
Из счастья их
 и моей печали

Родился ребенок.

А мне одарить его нечем.

Хочешь, малыш,

Подарю тебе звездный июньский вечер

И память о встрече с девушкой,

с тою самой,

Которую ты еще не умеешь назвать мамой.

Травы дарю,

 которые вместе мы мяли,

Цветы,

 которые вместе мы рвали,

Зори,

 которые вместе с нею встречали,

К счастью моему

И отца твоего —

 печали.

Мало, малыш?

Сам я знаю, что мало.

Ну что же...

Просто не мог я сыскать ничего дороже.

ТРАКТОРИСТКА

Девчонкою испуганной и тоненькой
Она была, когда ее портрет
Я увидал впервые в кинохронике
Тех памятных послевоенных лет.

Тогда в селе невесты не невестились.
И русской обескровленной земли
Мужичьи тревоги и профессии
Безропотные женщины несли.

Ее в то время выдвигали, видимо,
И вот, попав однажды в колею,
Она, еще робея, шла в президиум
И для газет давала интервью.

Чья голова от славы не закружится?
Она ж совсем девчонкою была.
А после —

 неудачное замужество,
Бессрочные домашние дела.

— Эй, делегатка! — Муж гогочет, тешится. —
Слетай за водкой... Сала, што ль, поджарь!
Не для нее пред выступленьем тезисы
Теперь писал партийный секретарь.

Она от всех отгородилась
гордостью.

И так, по той утоптанной стезе,
Прошли года. И списан за негодностью
Друг молодости — трактор ХТЗ.

Но как-то раз весной у околицы,
Когда прохожих ливень гнал в жилье,
Мне встретились две ясноглазых школьницы,
Две возрожденных юности ее.

Как листья,
липли к телу платья влажные.
Но, видно, все им было нипочем!
Они с землею этой были связаны
Рождением, детством, радугой, дождем.

Ну, а земля дымилась, плодородная.
И жизнь бродила в каждом стебельке.
И первый гром, как слава всенародная,
Опять искал кого-то вдалеке.

ОДНОРУКИЙ ПЕЧНИК

Махры не просыпав ни крошки,
Он ловко сигарку свернул.

— А ну,
поработай немножко! —
Андрюшке, меньшому, кивнул.

У сына отцовская хватка,
Такой же раздумчивый взгляд,
По-мастерски держит лопатку,
Ровняет, как в ниточку, ряд.

Но, чувствуя важность событий,
Дыханье отца за спиной,
Он хвастает:

— Батя, смотрите,
Как вы, я умею... одной!

«Рука у тебя золотая,» —
Отцу говорят мужики.
Эх, как же ему не хватает
Зарытой под Ржевом руки!

В мозолях, из мяса и кожи,
Живую — еще бы одну!

Чтоб в клубе похлопать в ладоши,
Обнять, да покрепче, жену.
...Щекою к шинели припала,
Смеялась, ревела ревмя...

— Ты вот что, Андрюша, — не балуй.
Работать сподручней... двумя!

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

В. Астафьеву

А ведь было когда-то...

было когда-то...

На рассвете пожары поднимали солдата,
И металась в казармах боевая тревога,
И кричал, надрываясь, старшина у порога,
И вставала земля рубежом раскаленным,
Черной оспой воронок на поле зеленом.
И казалось солдату: не время любить!
Мы вернемся еще, может быть... может быть...

А ведь было когда-то, когда-то было...

Ах как эта девчонка солдата любила!
Как бежала в халатике

через двор госпитальный,

Не страшась ни насмешки,

ни шуточки сальной.

Он ногами чугунными еле вышел из строя
И стоял рядом с нею, медицинской сестрою,
И молчал, недоступен многоглазой обиде,
Кроме глаз ее ласковых, ничего-то не видя.
Но от губ ее ласковых, но от глаз ее мокрых
Оторвал старшины повелительный окрик.

А ведь было когда-то... Были когда-то
Эти годы и горести, эта юность солдата.

МАТЬ И СЫН

Сколько ни прожито, да счастье нажито!

Зайдет соседка в пуховом платочке:

— Петровна, милая, снова вяжете?

— Носочки!

— Кому?

— Да ему, сыночку...

Сын у мальчишек за полководца.

Весь день на улице, а как умается,

Вбежит с мороза, в коленки ткнется:

— Мама, а мы играли в чапаевцев!

— Ну вот и ладно. Надень, Сереженька,

Надень носки, чтоб не мерзли ноженьки!

Десять лет в одночасье прожито.

Пойдешь на почту и скажешь попутчице:

— Посылку отправить хочу!

Сережа-то

В городе, на инженера учится.

Недавно писал: «Отметки отличные,

Обо мне не тревожься, все это зряшное...»

А в посылке — коржики, варенье клубничное,

Сережино любимое, домашнее.

И носки шерстяные:

— Носи, Сереженька,

Носи, родной, чтоб не мерзли ноженьки...

Сама их сыну в рюкзак положила,
Сама и на фронт его проводила.
В носках материнских тепло ему было,
Да пуля проклятая с ног повалила.
А сына убили —
И ноги остыли.

Мелькают в руках проворные спицы.
— Петровна, светает, а вы все вяжете.
Наверно, носочки?

— Да просто не спится.
Кому их вязать-то мне — тоже скажете...

А самой кажется:

Подойдет неслышно, отнимет пряжу,
Шею вдруг обовьет рука его.

В глаза бессонные глянет и скажет:

— Мама, не нужно!

Мама, какая вы...

Годы отмечены

Новыми встречами.

Стали глазами сына синие воды озерные.

Стали бровями сына тучи на небе черные.

Стало ясное солнце его теплом и любовью.

Стала ранняя зорька улыбкой его сыновьей,

А зорька разбудит,

пойдешь на поля —

В каждой росинке,

На каждой травинке —

Его кровинка,

Твоя кровинка, Петровна!

ОРЕХИ

Он приходил под вечер, в сумерки,
Шепча, что надо в земотдел.
И, в городской измаян сутолоке,
Неслышно в кухоньке сидел.

Нам было скучно с ним, молчальником,
На нас взиравшим со скамьи, —
С отцом отца, родоначальником
Мужицкой пахотной семьи.

Да и какими там науками,
Не знавший, как букварь листать,
В беседе с городскими внуками
Он мог бы, в сущности, блистать?

И все-таки мы свыклись вскорости
И подружились.

Но как раз
От дружбы с дедом, как от хворости,
Тогда оберегали нас.

Он был для всех не то что ворогом,
Но им никто не дорожил.
И бывший мельник — нынче вороном
Над судьбами семьи кружил.

Но были испытанья горшими,
Когда, прощаясь в ранний час,
Орехи добрыми пригоршнями
Он щедро доставал для нас.

И все же — рады ли, не рады ли —
Под взглядом сумрачным отца
Мы пятились. Орехи падали,
Стуча по лесенке крыльца.

...Изба под крышею соломенной,
Где я мальчишкой не играл,
Где дед — с ногой, прикладом сломанной, —
Три дня при немцах умирал.

Гуляет ветер под застрехами.
Орешник — вот, всего в версте!
Пойдешь с братишкой за орехами,
Да все — не те... Да все не те!

У СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЬНИЦ

Молчаливо

и чуть растерянно,
словно что-то оставил тут,
я стою

у высокого терема,
где учительницы живут.
Нет ни сада, ни огородика,
ни пуховых перин про запас —
только ласковый смех

да родинка
у застенчивых добрых глаз.
Ходу нет

в это царство девичье
деревенской густой тоске.

То ль по-детски,

то ль по-студенчески
здесь живут себе налегке,
лишь на жаркие споры жадные,
семь Аленушек —

вроде семьи...

До свидания,

милые жаворонки,
горожаночки вы мои!

Вам спасибо

 за песни до вечера,
За ночные стихи в тишине,
за ночлег,

 до обиды доверчиво
рядом с вами предложенный мне.
И пускай, зеленея от зависти,
бабы строгие вас корят
и, что нету у вас

 хозяйственности,
сыновьям своим говорят —
здесь вам жить да жить
 не стареючи,
не сгорать в осенних кострах.

Мимо окон

 Иваны-царевичи
проезжают на тракторах.
И не надо им

 огородика
и приданого в сундуке —
лишь бы ласковый смех

 да родинка
на прильнувшей к груди щеке.

Идет весна-распутица,
Распутица-распутница
С гулянками, ухмылками,
С покладистыми милками,
С частушками охальными
Да с вербами пасхальными.
С юбчонками, прижатыми
У сломанных плетней,
Где можно провожатому
Держаться повольней.
Хоть черен снег, как сажига,
Но это только кажется.
Ну, а весна-то скажется!
Над бабьими страданьями,
Слезами и позорами
Вдруг глянет
стародавними
Российскими озерами.
Всю грязь лучами высушит.
Любовью — сердце высушит.

Девчонка все кружит и кружит,
Платочком махнет голубым:
Мол, кто из нас, миленький, хуже —
Мы это еще поглядим!

Парней разжигает припевкой,
А взгляд и лукав, и лучист.
— Вот девка! Ведь черт, а не девка! —
Бывалый твердит баянист.

И щеки красны, как с мороза.
И горюшка нет ни о ком.
И что она —
 пот или слезы —
С лица утирает платком?

НЕВЕСТА

Когда они проходят по бульвару,
Надев под вечер праздничный наряд,
«Нет, все-таки она ему не пара!» —
Подруги с сожаленьем говорят.
И горячо

(быть может, даже слишком!)

Галдят, сойдясь на мнении таком,
Что кажется невеста замухрышкой
В соседстве с синеглазым пареньком.

Ах, милые, ах, мудрые подружки!
До времени вам так и не понять,
Откуда в этой худенькой девчужке
Вдруг появилась царственная стать.

И почему высокий, ладный парень —
Бессонница девчонок, — почему
За каждый вздох и взгляд ей благодарен
И сам не верит счастьем своему.

В ней, маленькой, нашлась такая сила,
Тот редкий взлет

особой красоты,
Которая глаза ему раскрыла

СТАРЫЙ ПОСЕЛОК

У дороги,
 где в ямах ржавеет вода,
Виден старый поселок —
 дома в два ряда.
Ночь бредет из тайги,
 спотыкаясь о пни,
А в поселке
 ее не отгонят огни.
Дрогнет чуткой ноздрей
 растревоженный лось.
Поумерит медведь неумную злость.
Волчья стая, скуля,
 будет рыскать вокруг —
Слишком грозен еще человеческий дух,
Слишком крепок еще
 для лесного зверья
Запах пота,
 солярки,
 железа,
 жилья!

Ночь бредет,
 спотыкаясь
 у коряжин и пней.

Все темней.

Но в поселке не видно огней.
Лесорубы оставили эти места —
Здесь работы не стало.

И совесть чиста.

А поселок уходит
в неизвестную тьму.

И нисколько не страшно ему.

Он свое отслужил.

Он хозяев

с работы встречал.

Он младенцев

в березовых люльках качал.

Слышал песню и ругань,

слышал хохот и стон,

И на свадьбах —

стаканов залиvistый звон.

Он в мороз согревал,

хлеб и отдых давал,

В праздник — двери друзьям

широко раскрывал.

Так прощай, мой товарищ,

поселок лесной!

Дальше еду я

долгой дорогой ночной,

Будут люди другие,

другое жилье...

И сливается с лесом

безмолвье твое.

Их видел в деле
речной простор.
— Ох,
 что надели? —
кричит парторг.
— Эх, работа жаркая,
эх, оплата сдельная,
Замочить
 не жалко мне
туфельки модельные!
Выводят
 бревенки —
с багром,
 как с посохом,
в сапожках новеньких
идут,
 как посуху,
глядят
 невинно,
бровь
 не прихмуривают.
В сторонке финны
стоят покуривают.
Толк
 знают сами
в любом заломе —
не здесь,
 на Каме,
а там,
 в Суоми.

Стоят и сетуют,
покорены:
— Эх, нам бы этаких!
...Самим нужны!

УЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ

В домах за палисадами
иль так, на ходу,
на парня поглядывали,
пророчили беду.

Судачили,
 не верили
счастью в судьбе.
— Ой, Ваня, рубишь дерево,
ох, не по себе!

— Да ровня вы, нешто? —
разили в упор. —
Она-то инженерша,
а ты шофер...

Ах, кумушки-подружки —
подвох в глазах.
— Повез на легковушке
невесту в загс!

Свадьба хмелем сыпется,
целуется, поет.

А улица
на цыпочки,
на цыпочки встает.

Стервой прожженной
хихикает вслед.
В окне молодоженов
гаснет свет...

По улице мощеной
на майском ветру
женщина с мужчиной
проходят поутру.

А вслед им — сплетни разные,
как пыль из-под ворот.
— Глаза у Вани красные.
— Наверно, пьет!
— Она-то, вишь, невестится,
да выбьет дурь мужик...

Вы,
сплетники и сплетницы,
типун вам на язык!

Вам
цвет лазорев выполоть,
накаркать им беду —
как в мальчугана выпалить
за яблоко в саду.

А что вам видно, ябедники,
с позиции такой?
Уже, смотрите, яблоньки
ломают частокол,
и пеной белоснежною
их лепестки дрожат —
кружат над инженершею,
над Ваней
кружат.

Есть дома-нелюдимы,
Никем не любимы.
Там на песню — запреты.
Там калитки, как щели.
Там читают газеты вечерами кашеи.

Упиваются слухами —
Как на льдинку становятся.
Там невесты старухами
В одночасье становятся.

И глядятся, немея,
В чьи-то очи холодные.
Только слышно, как змеи
Шипят подколенные.

В этом мертвом затишье
Все надежно упрячут.
То ли дождик по крыше,
То ли женщина плачет?

Теперь мне кажется чудом,
Что ты, отложив дела,
Назло любым пересудам
Часами меня ждала.

Скорей уйти за ограду
Спешила на тихий стук,
Забыв про косые взгляды
Любимых твоих подруг.

Над нами в июньской дали,
Сердясь, ворчала гроза.
Мы только туда шагали,
Куда глядели глаза.

И нам невдомек, что вечно
Они выдавали нас
Всем встречным и поперечным
В саду, на пляже заречном,
У театральных касс.

И вот обо всем, что было,
Всему, что было, назло
Ты говоришь:

— Забыла!

Ты говоришь:

— Прошло!

**А я забывать не буду,
Забуть и тебе не дам.
Пусть все это было чудо.
Но я его видел. Сам.**

Это главное зло, что красивая ты.
Никому не тепло от твоей красоты.
Не любя, не скорбя от обид и остуд,
Ты проносишь себя, как хрустальный сосуд.
Тонко льдинки звенят посредине зимы.
Каждый ласковый взгляд — под проценты,
взаимы,
Никому — не жена, никому — не сестра,
Ни во тьму — окрыленность костра.

Не таились, не каялись,
А сказали: — Прощай!
Хорошо, что отмаялись,
Да и где этот май?
Только — в беленькой веточке
На ветру за окном.
Только — в горестной весточке
О счастье твоём.

СТИХИ О ПРИМИРЕНИИ

Пришла и мне сказала: — Здравствуй!
И словно не было разлуки.
И молоды, как прежде, страсти,
Нежны, как прежде, речь и руки.

Как будто бы, уйдя к другому,
Любовь невзгодами училась
И вот сейчас, вернувшись к дому,
Твердит: — Я просто отлучилась...

•

Что в имени тебе моем?
Оно не кровь, не хлеб, не тело.
Зачем к привычному «вдвоем»
Опять вернуться захотела?

Иль просто вспомнила себя,
Как прежде, юную и злую,
Когда, сомнений не любя,
Крушила их напрапалую?

•

А он? Что, разве он не жив?
Ну, не в любви — хотя бы в злости.

Иль, разрешенья не спросив,
Он в жизнь твою вошел, как в гости?

Что ж, этого не будет вновь.
Пусть на коленях молит: — Сжалесь!
Себя жалея, когда любовь
Впускаешь, словно постояльца.

•

Открыта дверь. Да, да, входи!
Здесь те же стены и привычки.
Войди, квартиру огляди.
Курить? Вот папиросы, спички.

Уюта нет в моем дому.
Вот — почернела печь от дыма...
Ах, нет! Совсем не потому
Ты здесь была необходима!

•

Прощенье... В ком же нет вины?
И в чем оно — в движенье, в слове?
Те дни, что были так черны,
Перечеркнем — не надо крови!

Как будто нас живой водой
Вдруг напоили из колодца.
И то, что звали мы бедой,
Лишь давней болью отзовется...

Не говори мне, что в любви у нас
Первоначальной молодости нет.
Он до сих пор

ни разу не погас —
Тот летний пламенеющий рассвет,
Когда от зоревого холодка
Ты вздрогнула и не пошла домой,
Хотя привычно звали мы пока
И путь, и дом — не наш,

а твой и мой.

Но сердцем, что ли, было решено,
Что этак продолжаться не должно,
И нас с тобою в жизни разлучить —
Как если бы

дышать нас разучить...

ОСИНКИ

Как чистый дождичек, росинки
С тревожных листьев оброня,
Лесные золушки,

осинки,

Не убегайте от меня.

Я сам, дорожной пылью пачкаясь
И задыхаясь от обид,
Узнал, что горемычных падчериц
Молва людская не щадит —

За ту возвышенную гордость
В чужом дому чужих невест,
Чья молчаливая покорность
Еще упрямей, чем протест.

О да, вы неприметны очень —
До той судьбы, до той поры,
Когда для вас, осинки, осень
Зажжет прощальные костры.

И больше не боясь огласки,
Всем давним недругам назло

Вы вдруг засветитесь, как в сказке,
Так нестерпимо, так светло,

Что с вами — в пламя, без оглядки,
Хотя б на миг, на малый срок...
Лишь у ручья в лесном распадке
Звенит хрустальный башмачок!

ПРОСЕКА К СОЛНЦУ

Я здесь, в лесах Урала,
Проникнутых безмолвьем и смолою.

Пабло Неруда

Лес был вокруг.
Был для грибов и ягод.
Для детского протяжного «Ау!»,
Для нужд крестьянских и крестьянских тягот.
Был давней сказкой, зримой наяву.
Дичась,
Он к людям подошел и замер.
Он глухо выл в голодный зимний день
И яростными волчьими глазами
Глядел в хлева притихших деревень.
Морошка, да рябинки-сиротинки,
Да жухлый мох, да ветки до земли.
Звериные гропинки,
Как морщинки,
И вкривь и вкось леса пересекали.
Шел от болот гнилой и прелый запах.
Цвел иван-чай, стелился курослеп.
Держали ели

солнце

в цепких лапах:

Был даже полдень
Сумеречно слеп.
Тянуло гарью от лесного пала.
Лежал в ложбинах ноздреватый снег

В июне даже...
...И в леса Урала
На помощь солнцу
Вышел человек.
Шел реками,
Студеными ключами,
В болотной тине по колена вяз,
В тайге деревья раздвигал плечами —
Сам о себе слагал былинный сказ.
Дороги строил.
Вел плоты по Каме.
И лес,
Почуя рук его размах,
Послушно становился кораблями,

домами
и огнем в домах...

Теперь,
Как только зорька занималась,
Она хорошим делом занималась.
Не просто солнце землю освещало —
Свой каждый лучик
людям посвящало:
Чтоб пилы злились,
тракторы ворчали,
Чтоб люди
День
с достоинством встречали,
Чтоб в темноте не жили-пробивались —
А просекою к Солнцу
Пробивались!

Пришел конец таежному безмолвью.
Лес был вокруг.

И было в нем светло.

И стало счастьем,
Радостью,
Любовью
Лучей освобожденное тепло!

ГОРОД ЧАЙКОВСКИЙ

Идут плоты

Еще плывут плоты по Каме.
И по-осеннему темна
Река,
 теснясь меж берегами,
Вскипает, как в грозу — до дна!

В кровоподтеках глины рыжей,
С утра, стряхнув с себя туман,
Вода бушует, пеной брызжет,
Не льется — рвется сквозь проран.

Нет, Кама ярости не прячет,
Она не сдастся без борьбы,
Она еще швырнет, как мячик,
Многопудовые кубы.

Но эту силу, ярость эту,
Волны разгневанный разбег
Навек служить добру и свету
Заставит скоро Человек.

Смешались в Каме свет и тени,
И неба черные пласты...
...В последний раз «Сергей Тюленин»
Ведет через проран плоты.

Как дух
 проносится
Он над рекой.

Грозит —
 лучится
В морщинках взгляд:
— Что ж, пригодиться
Я очень рад!

Свирь,
 Волгу с Доном
Прошел не зря...

Легли понтоны
На якоря!

Стучат топоры

Пусть с насмешкою вздорной
И обидой стократ
О «работе топорной»
Люди вам говорят.

Поглядите-ка сами,
Как, легки и остры,
Мост на матушке-Каме
Ладят те топоры!

Кама яростно ропщет,
ей дохнуть не дают.
Возле регулировщиц
самосвалы спуют.
Чтоб бетон за мгновенье
прямо в ярость реки
Сбросить по мановенью
той девичьей руки!
Это —
штурма начало!
Это —
люди в огне!
Молча курит начальство
и стоит в стороне:
Кама в горле прорана
крутит водоворот,
Все расчеты и планы
на поверку берет.
Кама
камни ворочает,
раскалясь добела...
Ой ты,
юность рабочая —
два орлиных крыла!
Ты в шоферской спецовке,
что надета впервой,
Промелькнула у бровки
Над водой огневой,
На кабинах блеснула
комсомольским значком...

В Каму небо нырнуло
сероватым клочком,
И сквозь пенную вьюгу,
целя камни-рога,
Вдруг
навстречу друг другу
пошли берега!

Сайгатка — Чайковский

Сайгатка,
старая Сайгатка,
В бурьян уткнулся край села...
О, сколько лет ты, как солдатка,
Одной надеждою жила!

Я не узнал, твой житель давний,
Тех мест, где с песнями не в лад
Забота пряталась за ставни
В войну осиротелых хат.

Ты позабыть меня неволишь
И мне не веришь нипочем,
Что я семь лет назад всего лишь
В селе работал избачом.

Писал частушки и плакаты
И «всем искусством» ведал тут...

Другие,
 новые ребята
По новым улицам идут!

О жизни спорят громогласно.
Поют у клуба досветла...
И счастье полностью подвластно
Строителям гидроузла.

За молодое невниманье
Ты их, Сайгатка, не вини:
Плотина, улицы и зданья
И новый город — все они!

Смотри: глаза девчонки милой
Цветут, как будто два цветка,
У памятника над могилой
Погибших в годы Колчака.

Нет, у истоков новой были,
В зовущие к созвездьям дни
Здесь молодые не забыли,
Чье продолжение они.

Монтажники, бульдозеристы,
В любой работе — мастера,
Они сейчас — живые искры
Того, Октябрьского костра.

О них еще легенды сложат,
О покорителях реки...

Из школ рабочей молодежи
Расходятся ученики.

И в общежитиях устало
Заснут, уткнув в подушки лбы,
Творцы бетона и металла,
Творцы своей большой судьбы.

Затих на улицах московский,
Уральский, волжский говорок.
И в сквере слушает Чайковский
Плеск моря нового у ног.

Через пять лет

Вновь легенда полузабытая
К сердцу издали приближается.
Перекрытие — как открытие,
А открытие продолжается!
Песня все еще не кончается,
Вне меня она

и во мне...

Пароходик плывет-качается
На привычной морской волне.
А волна к берегам ласкается
В теплых лучиках, в янтаре.
Мне навстречу опять спускается
Город пламенный на заре.

Город Чайковский,
здравствуй!
Сердцем,
как музыкой,
властвуй,
Песенный,
юный,
ласковый!
Ты еще никак не устроишься —
Раздаешься в плечах
и строишься.
Здесь в безвестность
ничто не канет!
И в труде,
и в любви упрямый,
Ты расцветку шелковых тканей
Позаимствуй
у зорь над Камой.
Загляделись в камские воды
Комбинаты твои
и заводы.
Все, что сделано, —
лишь начало
Новой радости,
новой мудрости,
Чтобы жизнь на земле
звучала
Чудным сплавом
труда и музыки!..

Я — С УРАЛА

Как в сон, как в сказку, падал я в Москву,
Она с меня провинцию стирала.

А на вопрос привычный —

где живу? —

Я отвечал, что родиной с Урала.

Да так ли это важно,

где живешь?

Но мне вниманье высказать старались

Не потому,

что чем-то был хорош,

А просто потому,

что я — уралец.

Была Москва щедра и широка.

При мне с какой-то непонятной лаской

Одни припоминали Ермака,

Другие —

корпус танковый уральский.

Мы, люди, все немножечко родня,

Будь из Калуги ты,

будь из Казани.

И не было причины на меня

Глядеть, как на ожившее сказанье.

Я забывал в Москве,

где день, где ночь,

Не потому ли так она красива,
Что мы живем — в Москве или в Перми —
Лишь для нее,
А вместе мы — Россия!
Уралец ты? С Уралом будь един.
Пусть он тебя на прочность испытает.
Пусть Кама из разгневанных глубин
Заводы и поэзию питает.

СОДЕРЖАНИЕ

Камский мост	5
Пермь	7
«Вечно Каме по жизни народа струиться...»	9
Соликамский сказ	10
Чердынский вечер	12
Чердынь Великая	14
Рябчики	16
Чекисты	20
Утро, 4 апреля 1917 года	23
Студенты 41-го года	25
Баллада о банке варенья	27
Небо Швецова	29
Тойкинские трактора	32
«В каждой сосенке сердцем узнаю...»	34
Памяти Николая Куштума	35
У памятника Бажову	37
Пермские боги	38
Колюпановские эмали	41
Букирев	43
От нас уходят старшие	46
Афанасий Матросов	48
Прогулка по Каме	50
«Молодость сочтя за преимущество...»	52
Читая Винокурова	53
Удача	54
Модный писатель	56
Дети	57
«Для сына я — сильнее всех на свете...»	59
В утренней электричке	60
Родные	63
«Я жить хочу в годах пятидесятых...»	64
Письмо к матери	65

Памяти матери	66
«Без мамы я жить не умею...»	67
«Земля передо мною виновата...»	68
«Сквозь березы светло и знакомо...»	69
Россия	71
Стихи о сыне	72
«По частям любовь воровали...»	73
«Я чувствую, как волосы седеют...»	74
«Ждали — к лучшему все переменится...»	75
«Я в этом доме — просто гость...»	76
Исход	77
Баллада о родном доме	78
Метель	81
«Я становлюсь беднее с каждым днем...»	83
Чужой ребенок	84
Трактористка	86
Однорукий печник	88
Поздняя встреча	90
Мать и сын	92
Орехи	95
У сельских учительниц	97
«Идет весна-распутица...»	99
В клубе сегодня танцы	100
Невеста	102
Старый поселок	104
Приехали финны	106
Уличная история	109
«Есть дома-нелюдимы...»	112
«Теперь мне кажется чудом...»	113
«Это главное зло, что красивая ты...»	115
«Не таились, не калялись...»	115
«Очевидно, наступает вечер...»	116
Стихи о примирении	116
«Не говори мне...»	119
Осинки	120
Просека к солнцу	122
Город Чайковский	126
Я — с Урала	135

Владимир Ильич Радкевич

**КАМСКИЙ
МОСТ**

Редактор И. Вагнер
Художественный редактор М. Тарасова
Технический редактор Т. Дольская
Корректоры И. Пархомовская, Л. Кра-
маренко, Г. Синягина

Сдано в набор 25/IV 1972 г. Подписа-
но в печать 13/VI 1972 г. Формат бу-
маги иллюстр. 84×108¹/₆₄. Печ. л.
2,1875 (усл.-прив. л. 3,675); бум. л.
1,09375; уч.-изд. л. 4,12. ЛБ02240. Ти-
раж 20 000 экз. Цена 61 коп. Зак. 719.
Пермское книжное издательство. 614000
Пермь, Карла Маркса, 30. 2-я книж-
ная типография управления по печат-
ти. Пермь, Коммунистическая, 57.

